

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ КАМПАНИЯ 1945 ГОДА В СОЗНАНИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Е.С. Сенявская

Институт российской истории Российской академии наук. 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.

В статье на основе документальных свидетельств и воспоминаний участников событий показано, с какими настроениями летом 1945 г. после победы над Германией отправлялись из Европы на Дальний Восток советские войска для участия в войне с Японией, и как советское командование решало сложную проблему мобилизовать до предела уставших от многолетней войны людей, мечтавших о скором возвращении к родным и близким, на решение новых военных задач. Рассматриваются особенности подготовки к новой войне ветеранов европейских боев и «дальневосточных сидельцев», с учетом богатого боевого опыта первой категории военнослужащих и лучшего знания природно-климатических условий предстоящего театра военных действий второй категорией. Анализируются массовые армейские представления о японцах как о военном противнике и их соответствие реальности. Недооценка противника в первые дни войны привела к «преступной беспечности» и потерям, в результате командованию пришлось усилить разъяснительную работу с личным составом о коварстве врага и повышении бдительности. Об ожесточенности боевых действий свидетельствует широкое распространение феномена «камикадзе» – смертников. Особое внимание уделено фактам нарушения японской стороной норм международного права, законов и обычаев войны. В заключении показано, как военная кампания Советской армии на Дальнем Востоке не только приблизила окончание Второй мировой войны и обеспечила новый расклад стратегических сил в послевоенном мире, но и способствовала окончательному изживанию комплекса побежденной страны, унаследованного от царской России.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Дальневосточная кампания 1945 г., Советская армия, Япония, морально-психологическая подготовка личного состава, массовый героизм, образ врага, японские смертники, историческая память.

В Европе война была завершена 9 мая 1945 г., но оставался еще один очаг Второй мировой на Дальнем Востоке. Несмотря на Пакт о нейтралитете между СССР и Японией от 13 апреля 1941 г., на протяжении всей Великой Отечественной войны существовала угроза нападения со стороны японцев, которые сосредоточили вдоль советской границы весьма значительные силы, проводили тактические учения и постоянно осуществляли разного рода провокации. Только в 1944 г. советская граница нарушалась 144 раза, десятки раз обстреливалась; с 1941 до конца 1944 г. японцы задержали 178 советских торговых судов, три корабля были потоплены японскими подводными лодками [25, с. 225; 10, с. 529]. В связи с этим Советское правительство 80 раз выступало с заявлениями и предупреждениями по поводу японских провокаций [11, с. 98]. Правительство Японии снабжало свою союзницу – Германию секретной информацией о хозяйственном, политическом и военном положении Советского Союза [10, с. 529]. По опыту зная ненадежность и коварство соседа, советское командование в условиях тяжелейшей борьбы в европейской части страны вынуждено было держать на дальневосточных рубежах страны от 32 до 59 сухопутных дивизий, авиационные дивизии, бригады ПВО [25, с. 225].

11 февраля 1945 г. на Крымской конференции руководителей СССР, Великобритании и США подписали секретное соглашение, предусматривавшее вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке против Японии через 2–3 месяца после капитуляции Германии. 5 апреля 1945 г. СССР денонсировал советско-японский пакт о нейтралитете [10, с. 530, 538–539].

26 июля на Потсдамской конференции от имени США, Англии и Китая было опубликовано обращение, в котором Япония призывалась к безоговорочной капитуляции. Требование было отклонено [4, с. 362–363]. Тогда же советская делегация подтвердила готовность СССР выполнить свой долг перед союзниками [10, с. 530, 538–539]. Советским войскам, только что победившим фашистскую Германию, вскоре предстояло участвовать в новых боях, с другим противником, на противоположном конце континента.

Морально-психологическая подготовка личного состава к вступлению в войну против Японии началась уже в апреле 1945 г.: командирами и политорганами всех уровней разъяснялась международная обстановка, политическое значение заявления Советского правительства от 5 апреля 1945 г. о денонсации советско-японского Пакта о нейтралитете. В документах военных советов фронтов на Западном театре военных действий и дислоцированной на Дальнем Востоке Приморской группы войск подчеркивалось:

– «после денонсации пакта необходимо, как никогда, все усилия командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций направить на повышение боевой выучки войск, на усиление пропаганды боевого опыта войны с фашистской Германией»;

– «повышать уровень идейно-политического воспитания воинов в духе любви к своей Родине и ненависти к японскому империализму, шире пропагандировать героические свершения фронтовиков в борьбе с немецким фашизмом, а также подвиги героев боев у озера Хасан, на реке Халхин-гол» [27, л. 20–28; 8, с. 187].

Как же отнеслись к этому советские воины в победном мае 1945 г.? В донесении политотдела в штаб 47-й армии от 14 мая 1945 г. о политическом настроении и разговорах личного состава, связанных с окончанием войны и переходом войск на мирное положение, сообщалось: «Общее настроение всего личного состава здоровое. Однако демобилизационными настроениями охвачена значительная часть бойцов пожилого возраста и офицеров запаса, главным образом имеющих специальность (агрономы, учителя, механики, комбайнеры, техники, инженеры и т.д.). Проводим работу по изжитию демобилизационных настроений. Настроения демобилизационного и отпускного порядка имеют форму добродушного высказывания в мечте о Родине и семье, которые отрицательно не сказываются на поведении бойцов и офицеров...»

Разговоры и настроения в связи с денонсацией договора о нейтралитете с Японией разные. Часть офицерского и сержантского состава высказывалась, что мы должны поехать на Дальний Восток добивать японцев и помочь нашим союзникам так же, как и они помогли разгромить и добить немцев. Ефрейтор Гаркуша: «На Востоке с Японией не кончено. Без нас союзникам там быстро не справиться». Ефрейтор Смахов, член ВЛКСМ: «Если будет война с Японией, я первым поеду и буду бить их больше, чем немцев. С Японией нам воевать придется, но мы им дадим почувствовать, что такое Красная армия». Другая часть заявляет, что мы достаточно повоевали с немцами и на Дальнем Востоке нам делать нечего, да и англичане с американцами сами в состоянии в течение месяца добить японца (сержант Кузнецкин). Японский народ, учтя горький опыт Германии, должен быть умнее немцев и немедленно капитулировать (капитан Свиридов)» [2].

Перед советским командованием стояла сложная проблема – мобилизовать до предела уставших от многолетней войны людей, мечтавших о скором возвращении к родным и близким (при переброске с запада на восток 400 тыс. войск многие думали, что их везут домой), на решение новых военных задач, говорить о которых открыто было пока нельзя. При этом необходимо было подготовить войска к боевой деятельности в новых условиях.

Опытные воины, прибывшие из районов Праги и Восточной Пруссии, нацеливались на быстрое овладение способами боевых действий на новом театре военных действий, на изучение военно-политического положения Японии, структуры японских войск и их тактики, традиций и обычаев, специфики природно-климатических условий и т.д. Бойцы-дальневосточники в это время тщательно изучали опыт боев на Западе, которым располагали прибывшие оттуда войска. Для работы с личным

составом на Дальний Восток было направлено более 3 тыс. политработников-фронтовиков, а значительная часть политработников дальневосточных войск прошла стажировку в действующей армии на советско-германском фронте [29, с. 83 ; 8, с. 187].

Вот как описывал настроения бойцов в эшелоне, идущем на Дальний Восток, сотрудник дивизионной газеты Олег Смирнов: «По дороге я наслушался солдатских разговоров – большинство соглашалось, что бить самураев, конечно, надо. Вспоминали Порт-Артур и Цусиму, японскую оккупацию Приморья во время Гражданской войны, зверскую казнь Лазо, Хасан и Халхин-Гол. Ругали американцев, которые норовят загребать жар чужими руками. Гадали, какая предстоит война: большая или малая, длительная или короткая? Сошлись на том, что мы их, самурайских гадов, в порошок сотрем недели за четыре – то есть почти угадали. Но я, помню, подумал (да и не только я, наверно): до чего же обидно будет, уцелев на большой войне, погибнуть на малой...» [22, с. 322–323]. На станции в Чите он разговорился с обходчиком, который, «стрельнув закурить», сказал: «Ну и силища прет на восток! Кисло придется самураям. Они предчувствуют, крысы. Японский консул в Чите так тот каждый день сидит с удочкой у речки под мостом, эшелоны считает. Считаю, не считай, все едино хана будет!» [22, с. 323].

8 августа 1945 г., выполняя союзнические обязательства, Советский Союз заявил о своем присоединении к Потсдамской декларации и сообщил японскому правительству о том, что с 9 августа будет считать себя в состоянии войны с Японией. Началась Маньчжурская стратегическая наступательная операция, проводившаяся войсками Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточного фронтов, силами Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии.

«С краснофлотским приветом. Здравствуй, горячо любимая мама! – писал 11 августа 1945 г. В.Ф.Кабаков (Через несколько дней в боях за корейский город и порт Сейсин краснофлотец Владимир Кабаков погиб. Награжден посмертно орденом Красного Знамени.), 1927 года рождения. – ... Ты знаешь, началась война с Японией – будь она проклята! И я, как сын Родины, иду ее защищать. Мама, я иду в бой комсомольцем-тихоокеанцем, и будь за меня спокойна – не посрамлю свою честь моряка-тихоокеанца. А если погибну в бою за Родину, то я знаю, за что погибну. Я иду защищать от самураев тебя, моя горячо любимая мамочка... Ну, до свидания. Крепко тебя целую. Твой горячо любящий тебя сын Володя, краснофлотец» [17, с. 573].

В общей сложности Советский Союз выставил на поле боя полтора миллиона солдат, которым противостояла полуторамиллионная Квантунская армия. Весь контингент, участвовавший в боевых действиях на Дальнем Востоке, четко делился на две основные категории: участников боев против фашистской Германии и «дальневосточных сидельцев» – большой группировки, все четыре года Великой Отечественной простоявшей на границе на случай японского нападения. Последние

в большинстве своем не имели боевого опыта, но являлись свидетелями многочисленных японских провокаций, были лучше информированы о потенциальном противнике и его реальной силе, опыте и коварстве. Лучше разбирались они и в природно-климатических условиях, особенностях местности и т.п.

Ветераны боевых действий на Западе, напротив, имели большую практику сражений, но не разбирались в местных особенностях. У них был самый высокий боевой дух, но он нередко переходил в «шапкозакидательские» настроения. Ведь советский солдат вышел победителем из тяжелой многолетней войны на Европейском театре военных действий. После такого могучего противника, как фашистская Германия, японцы, которых, кстати, не так давно «побили» на Хасане и Халхин-Голе, в массовых армейских представлениях и не рассматривались как враг достаточно серьезный.

Это привело к «допущению в первые дни антияпонских военных действий к преступной беспечности по охране войск и особенно тылов», а в результате – к лишним жертвам из-за внезапных налетов японских диверсионных групп [18, с. 351–352]. Пришлось командованию и политорганам усилить разъяснительную работу с личным составом о коварстве врага и повышении бдительности. Интересная деталь: «...врываясь во вражеские траншеи наши оралы не только «За Родину! За Сталина!», но и «Хенде хох!» – по-японски-то не знали ни слова...» [22, с. 328]

В целом же в соотношении сил (хотя количество советской стороны оказалось безусловным. Особенно это проявилось в техническом обеспечении, боевом опыте и моральном духе войск. Армия на Дальний Восток пришла опытной, отмобилизованной, с настроением победителя и желанием как можно быстрее вернуться к мирной жизни. Однако бои ей предстояло вести в глубине чужой территории, преодолевать десятилетиями создававшиеся укрепления, продвигаться в неизвестной местности с неблагоприятными климатическими условиями. Да и противник был значительно опытнее, чем в конце 1930-х гг: уже много лет японская армия вела успешные боевые действия на море, на суше и в воздухе против американских, британских и вооруженных сил других их союзников. Так что «трехнедельная» военная кампания не оказалась для нашей армии легкой прогулкой, как сегодня нередко пытаются представить в западной историографии.

Советским воинам «потребовалось преодолеть большие естественные препятствия – безводные степи и песчаные пустыни Монголии, горные хребты Большого Хингана, крупные водные преграды и труднодоступные районы, болотистые поймы, испытать ливневые дожди, утомительную дневную жару и пронизывающий ночной холод, песчаные бури и другие неблагоприятные условия местности и погоды. А главное – пришлось штурмовать создававшиеся японцами в течение многих лет мощные укрепленные районы, которые преграждали доступ

■ История

к центральным областям Маньчжурии, ломать отчаянное сопротивление врага» [31, с. 201].

При переходе через пустыню Гоби главной проблемой оказалась нехватка воды. При этом организация водоснабжения наших войск по-разному оценивается в мемуарах военачальников и в воспоминаниях рядовых участников событий. Первые утверждают, что к началу наступления наши войска имели все необходимое для организации бесперебойного обеспечения водой, и, «хотя затруднения в водоснабжении в ходе операции и имелись, они не повлияли на развитие наступления», поскольку части и соединения ударной группировки фронта в основном снабжались водой своевременно. При этом были установлены следующие суточные нормы расхода воды: на человека – 5 л., на автомашину – 25 л., на танк – 100 л. и т.д. «Исходя из этих норм и произвелись расчеты необходимого количества водоисточников» [26, с. 141–142].

Однако участник операции бывший артиллерист А.М. Кривель утверждает, что «о снабжении наступающих войск в немыслимой августовской жаре никто толком не подумал»: «Вероятно, эта проблема вообще была упущена из виду. В ходе подготовки к наступлению о ней и не упоминалось. Даже предупредить солдат, чтобы они набрали с собой максимальное количество воды из той же Аргуни, никто не удосужился. Бурильные установки в боевых порядках никто из солдат, а я многих спрашивал об этом, не видел...» [12, с. 139].

Результатом явился резкий рост людских потерь в пехотных частях, наступавших через пустынные участки территории Маньчжурии, особенно через Гоби. По некоторым свидетельствам участников этого перехода, в иных частях число потерявших боеспособность от солнечного удара достигало двух третей списочного состава. А воды на человека приходилось лишь по 200 г в день, то есть по граненому стакану, что вряд ли можно поставить в заслугу снабженцам и командирам. Далее ветеран рассказывает о своих ощущениях во время маршевого броска 9–11 августа 1945 г. под палящим солнцем Маньчжурии, по солончаковой степи, а затем – песчаной пустыне. «Тот, кто догадался в предутренней суматохе набрать во фляжки воды, считал себя счастливым. Жажда мучила все сильнее. Ни речек, ни озер, ни колодцев не было на нашем пути. Впрочем, в полдень встретился один колодец, но на нем висела табличка: «Отравлено». Танки по-прежнему обгоняли нас. Канонада впереди затихла. Пехота, идущая по степи, изнемогала от жары. Вот кто-то зашатался от теплового удара, упал, за ним другой, третий... Старшина бережно, как хрупкую вазу, принес канистру. На дне ее заманчиво булькал дневной запас батареи. Делили как величайшую драгоценность. Досталось каждому по полстакана. Степь казалась раскаленной сковородкой. Солнце садилось все ниже, но желанной прохлады вечер не приносил. Встретился еще один колодец. Его вычерпали до дна за пятнадцать минут. Машины и лошади поднимали тучи пыли. Она забивала горло, глаза, садилась на оружие. Только тогда я понял по-настоящему, что такое пустыня.

Жажда перебивала все остальное. Не хотелось ни есть, ни спать, только одна неотвязная мысль билась в голове: «Пить, пить, пить...» Разведчики пытались найти источники воды. Мотоциклисты взбирались на сопки, чтобы разглядеть издали колодец или озеро. Но видели только миражи... Впереди было еще два безводных дня» [12, с. 137–138].

Однако темп наступления был исключительно высоким. Командир 1136-го Краснознаменного Кенигсбергского стрелкового полка полковник П.В. Савойкин вспоминал: «Если бы мне раньше сказал кто-нибудь, что мой полк пройдет по горячим пескам, горам и ущельям со скоростью марша до 65 километров в сутки, с ограниченным запасом воды и с такой нагрузкой, я бы ни за что не поверил. Великий Суворов был мастером больших переходов, но он водил натренированных солдат, служивших в армии по 20–25 лет. У меня же в полку 65% личного состава – молодежь 1927 года рождения. Так идти, как мы идем, могут только люди, обладающие самым высоким моральным духом» [31, с. 202].

Как же в эти дни изображался противник в красноармейских газетах и боевых листках? В двухстраничной газете 79-й стрелковой дивизии «За советскую Родину» № 91 от 15 августа 1945 г. применительно к японцам использованы следующие языковые формулы:

– «коварство врага», «подлость и ухищрения заклятых самураев», «самые гнусные способы борьбы»;

– «наш исконный заклятый враг в своей злобе способен на все», «Враг коварен и жесток!»;

– «уничтожить японского гада», «уничтожить японо-фашистскую мразь»;

– «меткий выстрел оборвал подлую жизнь трех японцев», «комсомольский расчет ... прекратил подлую жизнь 5 японцев», «три наших пули прекратили подлую жизнь врага»;

– «убил презренного их вожака, ярого фашиста – офицера», «еще беспощаднее уничтожать заклятых врагов-самураев»;

– «мы ведем справедливую войну – войну с японскими самураями -- злейшими врагами свободолюбивых народов»;

– «скоро мы навсегда отучим проклятых самураев зариться на нашу советскую землю», «будем бить заклятых японских фашистов до полного их разгрома»;

– «с достоинством и честью громить подлого врага», «японские «кукушки», «японские снайперы, засевшие на деревьях»;

– «Ярость и ненависть наших воинов против японских самураев, творивших самые гнусные злодеяния на Дальнем Востоке, не знает пределов. Беспощадно истреблять врага – святой долг каждого нашего воина» [21].

На первой странице красовался девиз-эпиграф, выделенный крупным шрифтом: «Враг подл, хитер и коварен. Противопоставить самураям русскую сметку и находчивость, бей японских разбойников насмерть», а передовая статья называлась «На коварство врага отвечать высокой бдительностью». Буквально в каждом материале газеты четко про-

слеживается еще предвоенный образ-стереотип из знаменитой песни о трех танкистах: «И легели наземь самураи под напором стали и огня...» Однако настоящим перлом этого номера можно назвать размещенную на второй странице заметку А. Хлыстова «Облик врага», рассказывающую о поведении на допросе пленного японца и впечатлениях советских бойцов от его внешнего вида:

«Рядом с командным пунктом, на полянке, наш офицер допрашивает пленного японца. Он говорит много, с причитаниями. Глаза беспокойно бегают по сторонам, закатываются под лоб. Сложив ладони, он простирает руки к небу. Злобный и коварный враг сейчас похож на накомстливую дворняжку. Наблудившая собака вот так же избегает прямого взгляда, виляет хвостом, лижет ноги хозяину, вымаливая пощаду.

Несколько часов назад японец с дерева стрелял по нашим воинам. Теперь он жалуется на свою судьбу. Его фамилия Худзуки, работал в Токио, ему, мол, очень плохо жилось, что на деньги в Японию ничего купить невозможно – магазины стоят с пустыми полками. В доказательство своего рабочего происхождения Худзуки показывает всем свои натруженные руки. А кто строил на границе дзоты и железобетонные укрепления? Не здесь ли натер мозоли Худзуки?

Советские бойцы с презрением и негодованием смотрят на этого оборванца с редкими крысиными усиками. Представитель «великой Японии» одет в тужурку, слатанную из пестрых, черных, зеленых полосатых тряпич. Грязная, засаленная рубашка. Обмотки – редкая, жесткая ткань из крапивы. На ногах десятки раз чиненные башмаки, на носках которых сделаны вырезы для большого пальца.

Один сержант-автоматчик, осмотрев пленного, сплюнул в сторону: «Ну и позань!» Перепуганный самурай твердит одно слово: родося - рабочий. Старый фашистский прием! Не удался он фрицам, найдем под этой маской и японских поджигателей и вдохновителей грабительской войны» [21].

Сами советские воины о японцах как о противниках рассуждали по-разному, но по большей части – с уважением. «Война шла всерьез, самураи сопротивлялись отчаянно, особенно в первую неделю боев: бойцы они были хорошо обученные, стойкие и дрались до последнего» [22, с. 314], – признавал разведчик Василий Иванов. «... Самураи ведь без боя не сдавались, они почти все смертниками были... И когда мне с моим батальоном приходилось разворачиваться и атаковать их опорные пункты, то пока их всех до единого не уничтожишь, они оказывали сопротивление» [22, с. 379–380], – рассказывал командир стрелкового батальона Владимир Спиндлер.

Об ожесточенности этой войны свидетельствует такой факт, как широкое распространение феномена «камикадзе» – смертников. В Квантунской армии из них была сформирована специальная бригада, кроме того, «ударные отряды» были в каждом полку и батальоне. В задачу смертников входило взорваться вместе с танком, самоходным орудием, убить генерала или высшего офицера.

При отступлении японские войска часто оставляли их в тылу противника, чтобы сеять там панику. Так, в политдонесение начальника политического управления Забайкальского фронта генерал-лейтенанта Зыкова от 17 августа 1945 г. сообщалось: «До сих пор продолжаются бои по ликвидации противника в опорных пунктах Хайларского укрепрайона, оказывающего ожесточенное сопротивление. На наиболее оживленных местах враг при отходе оставляет снайперов-смертников и мелкие диверсионные группы, которые обстреливают одиночных людей, проходящие машины, пытаются взорвать мосты, склады и промышленные предприятия... На кладбище в районе командного пункта дивизии обнаружен японский снайпер. Он был замурован в надмогильный памятник и имел запас продовольствия и воды на десять суток. В нише другого памятника найден прикованный цепями пулеметчик» [30, с. 549; 22, с. 282].

Об упорном сопротивлении противника в Хайларском укрепленном районе вспоминали многие ветераны: «... японцы никак не желали признать поражения и даже пытались контратаковать. Часов в пять вечера [15 августа] батальон самураев-смертников с мечами наголо, в расстегнутых кителях с закатанными рукавами с криками «Банзай!» бросился в психическую атаку. Но наши артиллеристы не растерялись: развернув батареи, открыли огонь шрапнелью. После нескольких залпов от батальона осталось меньше половины. Наша пехота поднялась в контратаку и перебила их всех. Ни один не отступил и не сложил оружия. Раненые самураи делали харакири, но в плен не сдавались. Все поле было усеяно их трупами...» [22, с. 360].

На Большом Хингане, не доходя перевала, советские войска наткнулись на опорный пункт японцев у села Бухэду. Здесь «самураи вновь оказали упорное сопротивление – ожесточенные бои затянулись почти на двое суток; японские смертники, прикованные к скалам, вели по нам огонь из снайперских винтовок и пулеметов и в плен не сдавались, делая харакири и умирая у нас на глазах. Лишь после того как огневые точки были подавлены нашей артиллерией, в Бухэду ворвались танки и пехота» [22, с. 360–361].

А вот как вспоминал о встрече с отрядом смертников А.М. Кривель: «В бой были брошены спецподразделения – японские «камикадзе». Они занимали по обе стороны Хинганского шоссе ряды круглых окопов-лунок. Их новенькие желтые мундиры резко выделялись на общем зеленом фоне. Бутылка с сакэ [рисовой водкой] и мина на бамбуковом шесте тоже были обязательными атрибутами «камикадзе». Мы кое-что слышали о них, этих фанатиках, одурманенных идеей «Великой Японии»... Но живых «камикадзе» не видели. А вот и они. Молодые люди, чуть старше нас. Полурастегнутый воротничок, из-под которого выглядывает чистое белое. Матовое, восковое лицо, ярко-белые зубы, жесткий ежик черных волос и очки. И выглядят-то они совсем не воинственно. Не зная, что это «камикадзе», ни за что не поверишь. Но мина, большая, магнитная мина, которую даже мертвые

■ История

продолжают крепко держать в руках, рассеивает все сомнения» [12, с. 152–154].

Военный журналист О. Смирнов рассказывал: «В первые дни было несколько по-настоящему серьезных боев – я собственными глазами видел мертвых японских пулеметчиков, прикованных к своим «гочкисам» (вот так и немцы под конец войны приковывали штрафников). А добровольные смертники – те носили белые рубашки и белые повязки на голове с какими-то иероглифами. Такие смертники с минами на бамбуковых шестах, а то и просто привязанными к спине, не раз бросались под наши танки. Один раз видел самураев, совершивших харакири, зрелище не для слабонервных: брюхо настежь, все кишки наружу, кровящи море, и ханжой от них разит на версту – должно быть, принирия для храбрости» [22, с. 328].

Нельзя сказать, что действия «камикадзе» принесли серьезные результаты. Они так и не сумели сдержать наступающую лавину советских войск. А метод борьбы с ними нашелся быстро и оказался простым и эффективным: на броню танков садились десантники и расстреливали в упор из автоматов поднимающихся с миной смертников [12, с. 127]. «Мы имели перед собой самого фанатичного вояку (японца), который, не щадя себя, погибал во имя своего императора, – вспоминал гидроакустик Василий Воробьев. – Много ходило рассказов о самураях, их фанатичной преданности и фантастических умениях. Мне тогда довелось слышать и такой курьезный рассказ, что, убив противника, самурай сам вспарывал себе живот с криком: «Смерть врагам и мухам»... Правда, особого страха перед японцами мы не испытывали – в отличие от тех же американцев, для которых самураи были страшными (в прямом значении этого слова) противниками. Любой американский военнослужащий больше всего боялся встретиться один на один в личном противостоянии с японцем. Мы же относились к ним как к противнику, с уважением, но и только...» [22, с. 397].

С первого дня войны против Японии советское военное командование требовало от воинов Красной армии высоко держать знамя армии-освободительницы. Так, в обращении Военного совета 1-го Дальневосточного фронта к личному составу войск фронта перед началом боевых действий указывалось: «Воин Красной армии! Тебя знают на Западе как освободителя, таким тебя должны знать и на Востоке – в Китае, в Маньчжурии и Корее» [16, с. 55]. Вступление советских войск на оккупированные японцами обширные территории Дальнего Востока позволило раскрыть множество преступлений японских войск. Так, в 20 км от Харбина в течение десяти лет действовал секретный исследовательский центр Квантунской армии, разрабатывавший бактериологическое оружие массового уничтожения, которое собирались использовать в войне против СССР. Эксперименты проводились на живых людях, включая женщин и детей [12, с. 67–76]. Чудовищные расправы устраивались в японской армии над пленными: «...людей обезглавливали, четвертовали, обливали бензином

и сжигали живыми; военнопленным вспарывали животы, вырывали печень и съедали ее, что являлось якобы проявлением особого самурайского духа» [11, с. 178]. Факты зверств японцев на оккупированных территориях становились известны советским войскам в ходе их наступления, влияя на общее восприятие и оценку противника.

Неслучайно во многих источниках упоминается ненависть местного населения к недавним оккупантам. Командовавший воздушным десантом на город Гирин Д.А. Крутских вспоминал: «Несмотря на то, что на каждого нашего десантника приходилось около сотни японцев, вели они себя в плену смиренно – просто боялись выходить на улицу, слишком уж велика была ненависть к ним китайского народа. Китайцы большими толпами неоднократно приходили в нашу комендатуру и просили выдать японцев для расправы, но мы самосудов не допускали» [22, с. 298]. Другой ветеран, войсковой разведчик Василий Иванов, подтверждает, что многие японцы спаслись именно благодаря плену: «Попади они тогда в руки китайцев, те бы их просто растерзали за все бесчисленные преступления, которые самураи совершили на китайской земле в годы оккупации. В августе 1945-го многие китайцы требовали выдать им японских военнопленных для справедливого возмездия – но у нас был приказ не допускать самосудов» [22, с. 316 – 317].

О защите от местного населения просили и сами японцы: «По пути разоружили 4 японских дивизии в общей сложности до 60 тысяч солдат и офицеров, – рассказывал пулеметчик, комсорг полка Анатолий Шилов. – Самураи просили, даже умоляли, об одном: обязательно оставлять во главе охраны советского представителя – иначе китайцы могли их просто перебить в отместку за то, что они натворили здесь за годы оккупации. То есть японские военнопленные нуждались не столько в охране, сколько в защите от местного населения. Поначалу мы оставляли офицеров, потом – сержантов, а под конец уже просто солдат – так много было пленников» [22, с. 345]. И добавлял в завершение: «Не знаю, как у других, а у меня никакого сочувствия к японцам тогда не было – ничего, кроме ненависти. А что вы хотите? Мы враждовали с ними с начала века, у меня брат воевал на Халхин-Голе, командиром танкового батальона, за что нам было их жалеть? Потом ненависть, конечно, ушла...» [22, с. 345].

Сегодня в японских учебниках истории идеализируется милитаризм времен Второй мировой войны, обеляются или умалчиваются преступления японской военщины, а вопрос ущерба от японской агрессии для Китая и Кореи называется «спорным» [24, с. 206–209] (видимо, 35 млн убитых китайцев, 4 млн индонезийцев и 2 млн вьетнамцев [7] – не в счет). При этом действия СССР в отношении Японии объявляются «предательскими», а советские войска обвиняются в «жестоким, недостойном поведении». Так, еще с 1980-х гг. в японских СМИ публикуются измышления по поводу «зверств» советских воинов на территории Маньчжурии, «чудовищных расправ с мирными японскими колонистами» [7; 9] (к 1945 г. этих резервистов

Квантунской группировки войск вместе с семьями насчитывалось около 1 млн чел.)

Подлинную картину того времени помогают восстановить архивные документы и воспоминания советских военачальников – участников Маньчжурской стратегической наступательной операции 1945 г. [1; 13; 14; 28]. Например, в одном из политдонесений 39-й армии Забайкальского фронта середины августа 1945 г. о поведении японцев в районах боевых действий сообщалось: «При приближении Красной армии японцы не только угоняют японское население, но и заставляют матерей убивать своих детей. Японка Ямамото Харуко, жена чиновника городского управления по снабжению населения города Фуцзин продовольствием и промтоварами, на допросе показала: «9 августа над городом Фуцзин появились самолеты неамериканского типа. Сначала многие думали, что это самолеты английского или американского происхождения, но затем убедились, что это советские самолеты. Японцы, главным образом женщины, побросав вещи, ушли в направлении Цзямусы. Многие японки дорогой душили и убивали детей, а трупы сбрасывали в реку. Я с двумя детьми – с годовалым и пятилетним – шла с группой японцев и японок. Мне тоже предложили убить детей, но я отказалась это сделать...» Другая допрошенная японка, Мацуда Йото, убила своего семилетнего сына. Так японские фанатики заставляют своих женщин убивать детей» [7].

А вот свидетельство дважды Героя Советского Союза генерала армии А.П. Белобородова, командовавшего в августе 1945 г. 1-й Краснознаменной армией 1-го Дальневосточного фронта. В своих мемуарах он приводит документально подтвержденное содержание допросов пленных генералов, входивших в состав командования 5-й японской армии, которые признавали факт уничтожения японского гражданского населения военнослужащими 5-й японской армии. «Японским генералам, – пишет А.П. Белобородов, – было зачитано одно из политдонесений политотдела 365-й стрелковой дивизии. В нем сообщалось, что части дивизии, совершая марш к городу Линькоу, обнаружили в пути две группы убитых японских женщин и детей... На железнодорожном переезде стояли грузовые машины. В кузовах в одинаковых позах сидели, поджав ноги, или лежали, опрокинувшись, женщины и дети, головы в белых, видимо ритуальных повязках... Другая группа была найдена на шоссе в районе станции Дидаохэ. Всего в обеих группах насчитывалось более 400 женщин и детей. Захваченные неподалеку от этих мест пленные показали на допросе: убийства совершены японскими солдатами и офицерами: взять с собой в сопки женщин и детей они не могли и... убивали женщин и детей с их согласия...» [1, с. 167].

Выслушав текст переведенного донесения, командующий 5-й японской армией генерал Н. Симидзу цинично заявил, что «каждый народ живет и умирает по своим законам» [1, с. 168]. Подобное же отношение в японской армии было и к своим больным и раненым солдатам. По признанию на-

чальника медицинской службы армии генерала Саго, неспособных передвигаться самостоятельно раненых бросали истекать кровью [16, с. 150–151]. Последующее расследование показало, что злодеяние, совершенное 12–13 августа в районе города Линькоу и станции Дидаохэ против японских женщин и детей было делом рук роты смертников 135-й пехотной дивизии той же 5-й армии [1, с. 170]. Получив ряд таких тревожных сигналов, командование 1-й Краснознаменной армии немедленно приняло соответствующие меры, чтобы воспрепятствовать возникновению подобных случаев в последующем. «Японские беженцы, старики, женщины и дети, толпами выходили навстречу советским частям и умоляли защитить. Мы собрали их всех, около 11 тыс. человек, в японский военный городок и обеспечили сильной охраной» [1, с. 168], – вспоминал А.П. Белобородов и при этом справедливо замечал: «Вот ведь как получилось: десятки лет японские газеты и прочие средства массовой пропаганды вдалбливали в головы людей всякую чушь про «варваров-большевиков», а пришли мы, и всю эту грязную пену как потоком смыло. К нам же кинулись в поисках защиты» [1, с. 168].

Особые, приподнятые чувства испытывали те советские воины, которые участвовали в освобождении Южного Сахалина и Курильских островов – территорий, утраченных Россией после поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг.: для них это были не просто военные действия, а восстановление исторической справедливости. Южно-Сахалинская наступательная операция проводилась с 11 по 25 августа 1945 г. силами 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта и Северной Тихоокеанской флотилии. На Котонских высотах, расположенных на границе между Северным и Южным Сахалином, советские войска были встречены сплошной стеной огня с мощных укреплений, возведенных здесь японцами за долгие годы. «Используя защитную мощь железобетонных сооружений и благоприятные условия горно-лесистой и болотистой местности, враг ожесточенно сопротивлялся, удерживая за собой каждый метр земли, переходя в неоднократные контратаки, особенно сильные в г. Котон» [19, с. 10].

Пять суток тяжелейших боев потребовались советским войскам на то, чтобы прорвать укрепленную полосу обороны противника и развернуть наступление в южном направлении. Моряки Тихоокеанского флота высадили десанты в тылу упорно сопротивляющегося врага, оказав поддержку сухопутным частям Красной армии и создав благоприятные условия для их ускоренного продвижения. В политдонесениях сообщалось:

– первые же дни боев «демонстрируют высокий наступательный порыв наших войск и хорошую боевую выучку бойцов, сержантов и офицеров» [3, с. 458];

– «примеры массового героизма и мужества, доблести и выносливости, ловкости и находчивости, проявление военной смекалки бойцами и командирами в борьбе с японцами – массовое

■ История

явление во всех действующих частях» [3, с. 458];
– «о высокой сознательности бойцов свидетельствуют ... факты, когда раненые не уходят с поля боя, а продолжают выполнять боевую задачу» [3, с. 458];

– «в боях бойцы и командиры противопоставляют хитрости противника находчивость и русскую смекалку», показывают «многочисленные примеры быстрого и решительного выполнения боевых заданий, ... хорошей выучки и храбрости» [3, с. 458 – 459];

– «настроение личного состава вполне здоровое и бодрое, несмотря на тяжелые условия марша, так как на ряде участков на протяжении 5 – 10 км дорога совершенно непроходима и личный состав всю матчасть вытягивал на руках» [19, с. 21];

– «личный состав горит одним желанием: быстрее занять весь Южный Сахалин» [19, с. 20].

Героически сражались советские воины за освобождение Курильских островов. Особенно ожесточенными были бои за о. Шумшу – самый большой и укрепленный остров Курильской гряды, где находилась главная база японского флота. Именно здесь 18 августа 1945 г. был совершен групповой подвиг, сравнимый с легендарным подвигом героев-панфиловцев. В бою с 25 японскими танками, исчерпав все средства борьбы и не имея возможности другим способом остановить врага, старший сержант И.И. Кобзарь, старшина 2-й статьи П.В. Бабич, сержант Н.М. Рында, матрос Н.К. Власенко во главе с командиром взвода подрывников лейтенантом А.М. Водыниным со связками гранат бросились под вражеские машины. Пожертвовав собой, они уничтожили семь из них, чем задержали продвижение бронетанковой колонны врага до подхода основных сил нашего десанта [19, с. 29; 26, с. 255 – 256]. В этом же бою поджег два вражеских танка, а когда противотанковое ружье вышло из строя, бросился с гранатой под третий младший сержант Георгий Баландин [20, с. 123].

Ни яростное сопротивление противника, ни железобетонные пограничные укрепления, ни труднейшие условия местности не могли остановить наступательного порыва советских войск, неудержимо рвавшихся вперед. Победа в Дальневосточной кампании была достигнута в рекордно короткие сроки – за 24 дня. В ходе августовских боев 1945 г. советскими войсками была освобождена территория площадью более 1,3 млн кв. км, с населением свыше 40 млн чел. [6, с. 325]. При участии в боевых действиях более 1,5 млн советских военнослужащих вышло из строя 36,4 тыс. чел., из них безвозвратные потери составили 12 тыс. чел. [6, с. 159].

В боях на Дальнем Востоке советские войска проявили массовый героизм, мужество и отвагу. Яркие подвиги совершали пехотинцы, танкисты, артиллеристы, моряки, саперы, представители всех видов Вооруженных сил и родов войск. 11 советских воинов пожертвовали жизнью, закрыв своим телом амбразуры и бойницы японских дотов и дзотов; отважными летчиками было совершено несколько воздушных и огненных таранов; десант-

ники в боях за остров Шумшу бросались с гранатами под японские танки [31, с. 201–203, 206–207]. 93 воина были удостоены звания Герой Советского Союза, 6 из них – во второй раз. Свыше 300 тыс. человек были награждены орденами и медалями [5, с. 562; 25, с. 234].

Какой же запомнилась капитуляция японских войск советским военнослужащим? Командир танковой роты Александр Фадин вспоминал о том, как в Манчжурии «мощная Мукденская группировка покорно, без единого выстрела, сложила оружие во главе со своими генералами». А когда после высадки советских воздушных десантов на Ляодунском полуострове – в Дайрене и Порт-Артуре – его часть, погрузившись на железнодорожные составы, двинулась им на помощь, «грозные офицеры-самураи, облаченные в парадную форму, при саблях, встречали нас на вокзалах на всем пути следования и, отдавая честь, раскланиваясь, оказывали любое содействие» [22, с. 308].

Радист Виктор Косолапов, воевавший в Китае, рассказывал: «Помню, второго сентября – это был день окончательной капитуляции Японии – в наш штаб неожиданно явился японский генерал с группой офицеров (человек двенадцать) – все в форме, «при полном параде», с мечами. Самураи заявили, что их дивизия, укрывшаяся в горах километрах в восьмидесяти от Ванцина, готова сложить оружие и попросили принять их капитуляцию» [22, с. 352]. Далее подробно описывается дорога в расположение японской дивизии и процедура приема военнопленных. «Часа в два ночи часовые поднимают тревогу – в горах началось интенсивное движение японских войск, повсюду горят костры, шум моторов, галдеж, еще усиленный горным эхом. Оттуда в нашу сторону движутся автомашины с зажженными фарами. Когда они подъехали, выяснилось, что самураи не стали дожидаться утра и готовы капитулировать прямо сейчас. Ну, наши автоматчики приняли головную колонну и повели по маршруту. Были среди японцев и их семьи; каждый что-то нес: кто одеяла, кто дрова, кто провиант или воду. Помню, удивила их дисциплина – до самого конца они продолжали беспрекословно подчиняться своим офицерам. К нам они тоже относились уважительно, но никак не хотели признавать, что сдаются в плен, – заявляли и показывали жестами, что Сталин и микадо пожали друг другу руки» [22, с. 352–353].

Военная кампания Советской армии на Дальнем Востоке, ускорив разгром последнего союзника фашистской Германии, не только приблизила окончание Второй мировой войны и обеспечила принципиально иной расклад стратегических сил в послевоенном мире, но и способствовала окончательному изживанию комплекса побежденной страны, унаследованного от царской России. «Летом 1945 г., дойдя до Порт-Артура, мы поклонились праху погибших там в начале века русских солдат и сказали: мы вернулись, мы рассчитались за вас» [22, с. 6]. Похожие слова встречаются в воспоминаниях многих ветеранов, особенно тех, у кого с событиями русско-японской войны были связаны семейные истории.

«Закончили мы войну в Порт-Артуре, – рассказывал разведчик Григорий Калачев. – Как же мы рвались туда, как мечтали рассчитаться с самураями за поражение в первой русско-японской войне! Помню, еще когда ехали на Дальний Восток, все зачитывались романом «Порт-Артур», много публикаций об этом было в армейской печати. Да и потом, уже во время наступления, политруки все время твердили: наше дело правое, это возмездие за все прежние японские преступления, восстановление исторической справедливости. Так и Сталин сказал в своем победном обращении: разгромив Японию, мы смыли «черное пятно» из народной памяти. А у меня вообще был свой личный счет к самураям. Вернее, семейный. 40 лет назад мой дед воевал в Порт-Артуре, и когда я был маленьким, он мне об этом рассказывал – как русские солдаты били здесь японцев, какие подвиги совершали, как предали их царские генералы, сдавшие крепость врагу. И когда мы в конце августа 1945 г. вернулись в Порт-Артур, где сражались и умирали наши деды, то первым делом поклонились солдатским могилам на русском кладбище, ходили и на места давних боев, где еще можно было найти позеленевшие гильзы и обрывки шинелей с пятнами крови. А наше командование во главе с маршалом Василевским сразу после победы возложило на эти могилы венки...» [22, с. 341–342].

«Мой корабль, в составе эскадры, должен был перебазироваться в Порт-Артур, – вспоминал гидроакустик Василий Воробьев. – Наш дивизион вошел в Южное море. Помню то напряженное состояние, когда мы под-ходили к месту гибели крейсера «Варяг». Всех, как магнитом, тянуло на верхнюю палубу. Там собрались почти все свободные от вахты и вглядывались в море. Друг с другом почти не разговаривали. Каждого распирало закричать:

*«Наверх вы, товарищи, все по местам:
последний парад наступает!
Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает».*

Но почему-то так никто вслух эту песню и не запел, хотя я уверен, что каждый повторял про себя ее слова множество раз. Торжественное и напряженное молчание было нарушено лишь залпами орудий. В сердце каждого из нас осталось чувство гордости за Россию, которая сумела восстановить честь и славу русского флага» [22, с. 398].

«Запомнился такой случай, – рассказывал офицер политотдела 6-й Гвардейской танковой армии Александр Желваков. – Когда мы несли службу в Мукдене, командиром отделения автоматчиков в нашем батальоне был младший сержант Иван Загорулько. Он рассказывал, что его дед сорок лет назад, во время первой Русско-японской войны, был смертельно ранен в ходе печально известного Мукденского сражения, проигранного нашей армией. И вот, посетив местное кладбище, мы обнаружили здесь братскую могилу воинов 1-го Туркестанского полка, в котором и служил дед Ивана. Так сорок лет спустя внук смог поклониться праху деда, вернувшись на его могилу победителем...» [22, с. 338].

В обращении И.В. Сталина к советскому народу в связи с окончанием Второй мировой войны от 2 сентября 1945 г. говорилось: «...поражение русских войск в 1904 г. в период Русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил... Наш советский народ не жалел сил и труда во имя Победы. Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на Западе и японского нашествия на Востоке» [23, с. 204–205]. Эта историческая оценка Верховного главнокомандующего, данная им в момент высшего военно-политического триумфа, была полностью созвучна настроениям советского народа и его армии.

Список литературы

1. Белобородов А.П. Прорыв на Харбин. М., 1982.
2. Богомолов В.О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2006.№1.[Электронный ресурс]:URL:http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/05.html (дата обращения 03.06.2013)
3. Великая Отечественная война 1941-1945. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник. М., 1990.
4. Внешняя политика СССР: Сб. документов. Т. III. М., 1947.
5. Военная энциклопедия.. Т. 4. М., 1999.
6. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993.
7. Зимонин В.П. «Зверства» в Маньчжурии: вымысел и правда // Красная звезда. 2010. 6 сентября.
8. Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой. М., 2002.
9. Зимонин В.П., Щебенков Ю.М. Правда и ложь о японских сиротах // Проблемы Дальнего Востока. 1987. № 3.
10. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. В 6-ти т. Т. 5. М., 1963.
11. Кривель А.М. Слышишь, Халхин-Гол! М., 1989.

■ История

---

12. Кривель А.М. Это было на Хингане. М., 1985.
13. Людников И.И. Через Большой Хинган. М., 1967.
14. Плиев И.А. Через Гоби и Хинган. М., 1965.
15. Победа на Востоке: К 40-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1985.
16. Победа на Дальнем Востоке: Историко-мемуарные и художественные повествования о разгроме империалистической Японии в августе 1945 года. Хабаровск, 1985.
17. Последние письма с фронта. 1945 год: Сб. Т. 5. М., 1995.
18. Русский архив: Великая Отечественная. Т.18 (7-1). Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-е – 40-е годы. Документы и материалы. М., 1997.
19. Русский архив: Великая Отечественная. Т.18 (7-2). Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-е – 40-е годы. Документы и материалы. М., 2000.
20. Рыжков А.Н. Бои за родные острова: Дневники, воспоминания, встречи, письма, документы. Южно-Сахалинск, 1980.
21. Сахалин и Курильские острова во Второй мировой войне. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.sakhalin.ru/Region/WORLDWAR2/images/Newspaper.gif> (дата обращения 03.06.2013)
22. Советско-японские войны 1937-1945 годов. Сборник. М., 2009.
23. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952.
24. Стапран Н. Переломный этап истории: уроки, которые вынесла для себя Япония // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. М., 2005.
25. Творцы победы: от рядового до маршала. М., 1987.
26. Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году. Изд. 2-е. М., 1969.
27. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 32. Оп. 2215. Д. 2.
28. Чистяков И.М. Служим Отчизне. М., 1985.
29. Шикин И.В., Сапожников Б.Г. Подвиг на дальневосточных рубежах. М., 1975.
30. Шишов А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2001.
31. Шумихин В.С., Борисов Н.В. Немеркнувший подвиг. Героизм советских воинов в годы Великой Отечественной войны. М., 1985.

Об авторе

Сенявская Елена Спартаковна – д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, лауреат Государственной премии РФ, действительный член Академии военных наук.
E-mail: senyavsky@mtu-net.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-01-00363а.

«IT IS REPARABLE HISTORICAL JUSTICE ...»: FAR EAST CAMPAIGN OF 1945 IN CONSCIOUSNESS OF THE SOVIET MILITARY PERSONNEL

E.S. Senyavskaya

The Institute of Russian History, The Russian Academy of Sciences, 19, Dmitry Ul'ianov Street, Moscow, 117036, Russia.

Abstract: *In this article on the basis of documentary evidence and memories of the participants of the events shows, what was the sentiments in the summer of 1945, after the victory over Germany, when the Soviet troops departed from Europe to the far East, to participate in the war with Japan, and how the Soviet command solved a difficult problem - to mobilize for perform the new military tasks people who were weary up to the limit from years of war, dreamed of a speedy return to their families and relatives on.*

Also review the features of the preparation for a new war veterans of European fights and "dalnevostochny stays", with the consideration of rich combat experience of the first category of servicemen and better knowledge of the natural-climatic conditions of the forthcoming theatre of war the second category.

In article analyzes massive army representation of the Japanese as a military rival and their correspondence to reality. Underestimation of the enemy in the first days of the war led to a "criminal carelessness" and losses, so the commanders had to strengthen explanatory work with staff about insidiousness of the enemy and vigilance increase. The bitterness of the fighting shows in widespread phenomenon of "kamikaze bombers. Special attention is paid to violations of the Japanese party norms of international law, the laws and customs of war.

In conclusion it is shown that the military campaign of the Soviet army in the far East not only hasten the end of the Second world war and provided a new balance of strategic forces in the postwar world, but also contributed to the eventual eradication of complex of a defeated country, inherited from tsarist Russia.

Key words: World War II, Far East campaign of 1945, Soviet army, Japan, moral and psychological preparation of staff, mass heroism, image of the enemy, Japanese suicide bombers, historical memory.

References

1. Beloborodov A.P. Proryv na Kharbin [Break to Harbin]. Moscow, Voenizdat Publ., 1982. 208 p.
2. Bogomolov V.O. Life of mine, did you come in dreams to me? Nash sovremennik, 2006, no. 1. Available at: http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/05.html. Accessed June 03, 2013.
3. Velikaia Otechestvennaia voina 1941-1945. Sobytiia. Liudi. Dokumenty. Kratkii istoricheskii spravochnik [Great Patriotic War 1941-1945. Events. People. Documents. A brief historical reference]. Moscow, Politizdat Publ., 1990.
4. Vneshniaia politika SSSR. Sb. dok. [Foreign policy of the USSR. Coll. doc.]. Moscow, 1947, vol. 3.
5. Voennaia entsiklopediia. V 8-mi t. [Military encyclopedia. In 8 vols]. Moscow, Voenizdat Publ., 1999, vol. 4.
6. Andronikov V.M., Burikov P.D., Gurkin V.V., e.a. Grif sekretnosti sniat. Poteri Vooruzhennykh Sil SSSR v voynakh, boevykh deistviakh i voennykh konfliktakh. Statisticheskoe issledovanie [The security classification is removed. Losses of the Armed forces of the USSR in wars, operations and the military conflicts. Statistical research]. Moscow, Voenizdat Publ., 1993.
7. Zimonin V.P. "Atrocities" in Manchuria: Fiction and truth. Krasnaia zvezda, September 6, 2010. (in Russ.).
8. Zimonin V.P. Poslednii ochag Vtoroi mirovoi [Last center of World War II]. Moscow, Inst. of Security and Development of Eurasia Publ., 2002. 544 p.
9. Zimonin V.P., Shcheben'kov Iu.M. Truth and lie about Japanese orphans. Problemy Dal'nego Vostoka, 1987, no. 3.
10. Istoriiia Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soiuza 1941-1945. V 6-ti t. [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945. In 6 vols.]. Moscow, Voenizdat Publ., 1963, vol. 5. 652 p.
11. Krivel' A.M. Slyshish', Khalkhin-Gol! [You hear, Halkhin-Gol!]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 192 p.
12. Krivel' A.M. Eto bylo na Khingane [It was on Hingan]. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 184 p.
13. Liudnikov I.I. Cherez Bol'shoi Khingan [Through Big Hingan]. Moscow, Voenizdat Publ., 1967. 117 p.
14. Pliiev I.A. Cherez Gobi i Hingan [Through Gobi and Hingan]. Moscow, VoenizdatPubl., 1965. 158 p.
15. Pobeda na Vostoke: K 40-letiiu razgroma militaristskoi Iaponii [Victory in the East: To the 40th anniversary of the defeat of militaristic Japan]. Moscow, Voenizdat Publ., 1985. 125 p.
16. Pobeda na Dal'nem Vostoke: Istoriko-memuarnye i khudozhestvennye povestvovaniia o razgrome imperialisticheskoi Iaponii v avguste 1945 goda [Victory in the Far East: Historical, memorial and literary narrations about defeat of imperialistic Japan in August, 1945]. Khabarovsk, Khabarovsk Book Publ., 1985. 528 p.

■ История

---

17. Poslednie pis'ma s fronta. 1945 god [Last letters from the front. 1945]. Moscow, Voenizdat Publ., 1995, vol. 5.
18. Russkii arkhiv: Velikaia Otechestvennaia. T.18 (7-1). Sovetsko-iaponskaia voina 1945 goda: istoriia voenno-politicheskogo protivoborstva dvukh derzhav v 30-e – 40-e gody. Dokumenty i materialy [Russian archive: Great Patriotic War. Vol. 18 (7-1). Soviet-Japanese war of 1945: History of a military-political confrontation of two powers in the 30s – 40s. Documents and materials]. Moscow, Terra Publ., 1997.
19. Russkii arkhiv: Velikaia Otechestvennaia. T.18 (7-2). Sovetsko-iaponskaia voina 1945 goda: istoriia voenno-politicheskogo protivoborstva dvukh derzhav v 30-e – 40-e gody. Dokumenty i materialy [Russian archive: Great Patriotic War. Vol. 18 (7-2). Soviet-Japanese war of 1945: History of a military-political confrontation of two powers in the 30s – 40s. Documents and materials]. Moscow, Terra Publ., 2000.
20. Ryzhkov A.N. Boi za rodnye ostrova: Dnevnik, vospominaniia, vstrechi, pis'ma, dokumenty [Fights for native islands: Diaries, memoirs, meetings, letters, documents]. Iuzhno-Sakhalinsk, Far East Book Publ., 1980. 144 p.
21. Sakhalin and the Kuril Islands in World War II. Available at: <http://www.sakhalin.ru/Region/WORLDWAR2/images/Newspaper.gif>. Accessed June 03, 2013. (in Russ.).
22. Sovetsko-iaponskie voiny 1937-1945 godov [Soviet-Japanese wars of 1937-1945]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 416 p.
23. Stalin I.V. O Velikoi Otechestvennoi voine Sovetskogo Soiuza [About the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Moscow, OGIZ Publ., 1952.
24. Stapran N. The critical stage of history: Lessons that Japan took. 60-letie okonchaniia Vtoroi mirovoi i Velikoi Otechestvennoi: pobediteli i pobezhdennye v kontekste politiki, mifologii i pamiaty [The 60th anniversary of the end of World War II and the Great Patriotic War: The victors and the defeated in the context of politics, mythology and memory]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2005. 246 p.
25. Tvortsy pobedy: ot riadovogo do marshala [Creators of a victory: From the private to the marshal]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1987. 320 p.
26. Final. Istoriko-memuarnyi ocherk o razgrome imperialisticheskoi Iaponii v 1945 godu [Ending. Historical and memorial essay on the defeat of imperialistic Japan in 1945]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 414 p.
27. Central archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation. F. 32. Op. 2215. D. 2. (in Russ.).
28. Chistiakov I.M. Sluzhim Otchizne [We serve the Motherland]. Moscow, Voenizdat Publ., 1985. 288 p.
29. Shikin I.V., Sapozhnikov B.G. Podvig na dal'nevostochnykh rubezhakh [The feat at the Far East frontiers]. Moscow, Voenizdat Publ., 213 p.
30. Shishov A.V. Rossiia i Iaponiia. Istorii voennykh konfliktov [History of military conflicts]. Moscow, Veche Publ., 2001. 576 p.
31. Shumikhin V.S., Borisov N.V. Nemerknushchii podvig. Geroizm sovetskikh voinov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The unfading feat. Heroism of Soviet soldiers during the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 272 p.

About the author

Elena S. Senyavskaya – Professor, the doctor of historical sciences, the leading researcher of Institute of the Russian history of the Russian Academy of Sciences, the winner of the State award Russian Federation, the full member of Academy of military sciences. E-mail: senyavsky@mtu-net.ru

---